

ЛЕКСИКА

УДК 81'42 + 811.512.155
DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-89-102

И. В. Шенцова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Прагматика лексем поля «Музыка» в шорских текстах. Концепт «Пение»

Шорские тексты являются залогом сохранения и дальнейшего развития языка шорцев – малочисленного коренного народа Южной Сибири. В настоящее время шорский язык развивается как литературный. Национальные авторы создают на родном языке произведения разных жанров, открыт доступ к письменным памятникам шорского языка и к современной шорской литературе.

В процессе ревитализации шорского языка особую значимость приобретает фиксация лексикона – хранителя его языковой базы. Шорские лексемы представлены в классических тюркско-русских словарях конца XIX – начала XX вв. – в словарях В. И. Вербицкого (1884), В. В. Радлова (1893–1911). В 1993 г. издан словарь для учащихся (шорско–русский, русско–шорский), составленный Н. Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф. Я. Апонькиным.

Тем не менее, значительное количество материала из шорских текстов не нашло пока отражения в лексикографической практике.

Современные потребности в оперировании языковой информацией в процессе коммуникации на шорском языке при построении устных и письменных текстов, а также в процессе лингвистических изысканий предполагают «полевую» презентацию лексики с расширенным указанием функционирования лексем в контекстах.

В качестве примера подхода к «полевому» описанию шорского лексикона в данной статье рассматриваются лексемы, реализующие концепт «Пение», одного из ядерных концептов поля «Музыка». Выборка лексем проведена из оригинальных шорских текстов разных жанров: фольклорных и авторских (лирика и проза).

Ключевые слова: лексикология, лексикография, лексическое поле, концепт, контекст, тюркские языки Сибири, шорский язык.

Системное описание языка в виде лексических полей отражает ассоциативные связи его элементов, позволяет проводить их сопоставление внутри группы и ветви родственных языков, составить картину их историко-культурного развития. Тематическое поле «Музыка» – важная составная часть языкового тезауруса шорского народа. Ядерные центры этого поля – «Пение» и «Музыкальные инструменты». Целью данной статьи является уточнить содержание концепта «пение» в шорском языке, показать потенциал языковых элементов, в лексическом значении которых отражен смысл «пение», в разнообразных контекстах.

Шенцова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: ivshen@yandex.ru, тел. (383) 3308469.

В результате сплошной выборки из оригинальных шорских текстов разных жанров нами получены контексты языковых единиц, реализующих концепт «пение». В основе концепта «пение» лежит обозначение феномена «исполнение музыки голосом», «вокальное искусство» (см. онтологическое описание [БСЭ, с. 318]). Вокальное исполнение воплощается в форме песни. В песне объединяются поэтический и музыкальный образы [БСЭ, с. 556]. План выражения этой музыкальной формы вербализован.

Анализ структуры концепта «ПЕНИЕ» в шорском языке, позволяет выделить его актуальные признаки: 1) субъект пения (человек ~ птица); 2) форма исполнения; 3) инструментальное сопровождение; 4) форма и содержание текста; 5) длительность звучания; 6) ситуация исполнения, 7) функция. Эти признаки (смыслы) опосредованно закреплены в семантике лексем.

1. Референт – исполнитель всех форм пения – человек, кроме лексемы *кӧгле* = ‘щебетать’, ‘петь (о птицах)’, но в художественных текстах эта лексема может быть отнесена к человеку.

2. Что касается формы, то в вокальном произведении может преобладать мелодия или ритм, а также они могут сочетаться специфическим образом. Музыковедческий анализ позволил установить для каждой вокальной формы свой набор типовых напевов. Ритмическое исполнение более характерно для частушек (*тақпақ*). Речитативы используются при камлании и при исполнении *кая*.

Для исполнения *кая* и шаманского камлания характерна особая артикуляция, для которой активизируются нижние части голосового аппарата и создается особый тембр звучания. При исполнении плача (*сыыт* ~ *сыгыт*) используются всхлипы.

В современном концертном исполнении песен (*сарын*) используется фарингализация (горловое пение), свист, подражание звукам природы (топоту копыт коня, голосам животных). Фарингализация может присутствовать в исполнении лирических песен.

Некоторые формы вокальных произведений исполняются одним лицом (*қай* исполняет *қайчы*, камлание производит *қам*), песни исполняются как одним, так и несколькими лицами (хором в унисон).

3. Инструментальное сопровождение обязательно для исполнения *кая*: для него необходим струнный музыкальный инструмент – *комус*. *Кай* также может исполняться без пения, так называемым «сказыванием» и без инструмента. При шаманском камлании используется бубен (*түўір*). При записях камланий последнего времени использовались не бубны, а другие предметы: пучок березовых веток, платок, полотенце [Арбачакова, 2010, с. 34–35]. Что касается исполнения лирических песен *сарын* в начале XX века, то оно могло сопровождаться игрой на комусе или балалайке [Дыренкова, 1940, с. XI]. Современное исполнение песен может сопровождаться самыми разнообразными музыкальными инструментами, а также быть без сопровождения.

4. Форма и содержание исполняемого текста являются типовыми для каждого жанра. Бесспорно четкое выделение вокальных форм: *кай*, *камлание*, *сыыт*. Жанр *сарын* более разветвлен.

5. Длительность звучания зависит от вокального жанра: объем текста частушки *тақпақ* – 2–4 строки, – соответственно их звучание краткое; песни *сарын* могут быть однострофными и многострофными, они звучат от 3 до 8 минут; обряд камлания занимает от получаса до 2–3-х часов. *Кай* звучит несколько часов ночью (в дневное время, по традиции, *кай* не исполняется), объемные сказания исполняются 2–3 ночи подряд.

6. Ситуация исполнения вокального произведения может быть связана или не связана с обрядом, ритуалом, традицией. Так, камлание проводится как календарный ритуал, а также по мере необходимости (для излечения больного). Плач *сыыт* звучит по поводу смерти человека и как поминальная песня. Отмечено наличие шорских свадебных песен (*той сарын*). Исполнение лирических песен и плясовых может быть как окказиональным, так и обусловленным праздниками. Песни (даже так называемые охотничьи песни) на охоте не исполняются, но ночью на охоте (в холодные сезоны) *кайчи* *кайларит*.

7. Функции. Общая функция песенного тезауруса шорцев – передача культурного наследия, сохранение этнического самосознания. Специальные функции: проведение обряда, выражение эмоционального состояния, эмоциональное воздействие. Например, чтобы развеселить, пошутить, исполняется *тақпақ*; чтобы пошутить, покритиковать, «задеть», исполняется *сӧгүш*.

Для названия вокальных жанров в фольклористике используются шорские лексемы *сарын* ‘песня’, *тақпақ* ‘частушка’, *сыыт* (*сыгыт*) ‘плач’, *қай* ‘исполнение эпического сказания’, *сӧгүш* ‘песня-дразнилка’ [Дыренкова, 1940, с. XI; Духовная Шория, 2008] и, дополнительно, *тандар* ‘плясовая’, *қамнаныш* ‘камлание’ [Фольклор шорцев, 2010]. В данном лингвистическом описании при толковании семантики выделенных языковых единиц мы используем термин «вокальная форма» [БСЭ, с. 556]. Термин «жанр» в данной работе используется в отсылках к результатам музыковедческих исследований, а также при указании литературной формы источника языковых примеров.

1. КӨГ. Шорская лексема *көг* ‘мелодия’, ‘напев’ представляет общетюркский фонд. Древнетюркская лексема *kög* ‘мелодия’ считается ранним заимствованием из китайского языка [ДТС, с. 311–312; СИГТЯ, 1997, с. 613–614; Дыбо, 2007, с. 72]. Глагольный дериват – др.-т. *kögle-* ‘петь’ [ДТС с. 311–312], шор. *көгле*= ‘щебетать (о птицах)’ [ШРС, с. 27]. Термин *көг* ‘мелодия’ употребляет в своей работе А. И. Чудояков: «Слушатели были воспитаны на традициях *кая*, знали *ког* (мелодии) *кая*, “общие места”» [Чудояков, 1998, с. 29]. В нашей выборке только два контекста с лексемой *көг*:

Чүрегим ачыпча, / уққамда / көгиңни / қомнаштығ [Тудегешева, с. 134] ‘Сердце болит, когда твой печальный *напев* слышу’;

Пир сарын сөстерин узақ сарын көгүбе сарнабоқ перди (Чудояков) [Ўлгер, с. 62] ‘Слова одной песни на *мелодию* протяжной песни исполнила’.

Глагольный дериват *көгле*= ‘петь (о птицах)’ – частотная лексема в шорских текстах. В нашей выборке представлены примеры из текстов всех литературных жанров.

Алтын көк көгленча. / Писке чадығ арбапча. / Көгле, көгле, көглегеш, / Пойуң көп ле чажарзың? / Поет золотая кукушка, / Срок жизни нам отмеряет. / Кукуй, кукуй, кукушечка, / Сколько сама проживешь-то? [Арбачакова, 2001, с. 58].

Выборка показывает, что сфера использования лексемы *көгле*= с референтом *птицы* противопоставляется сфере использования лексемы *сарна*= ‘петь (о людях)’:

Чыштығ черге парғаным, қушчақтар көглемшалар, (...) / *Часқы келгенде шагда қырылған абам көрүнча. / Ол сарнаған сарынны мен сарнап чөрчам* [Амзоров, 2003, с. 43] ‘В лесу (букв. в лес пошел я) птички *щебечут*. / Когда наступает весна, на войне погибшего отца (я) вижу (букв. виднеется). Ту песню, что он *пел*, я (теперь) *пою*’.

В шорском языке используются специальные лексемы для обозначения звуков пения разных птиц:

(...) *сарнап пажап алдым, нан келдим. [Қушчақтар] мени эбире көглегип сығырышчалар, қыйғырыжып ооқташчалар – уқ-ла одур, эң полбаанда, паи айланча. Аага қожса өртектөр аақташчалар* [Чиспьяков, 1992, с. 280–281] ‘Запев, вернулся (имеется в виду: ‘я отправился домой’). Вокруг меня (птицы) *поют, свистят, кричат, режут* – только слушай, даже голова кружится. К тому же утки *крякают*’.

В эпическом тексте шорцев-кондомцев лексема *күўле*= является или измененной формой *көгле*=, или словоподражательной лексемой:

көк үнүве күўлегени, кижи тилве эртегени [БТ, с. 56] ‘(девица Алтын Кёк) *пропела* голосом кукушки, как человек заговорила’ [БТ, с. 57].

В текстах эпических сказаний часто упоминается пение птиц, что создает атмосферу достоверности происходящих действий:

Алтын пүрлүг ақ қазың паштарында / Кырық қушқа көглем чөрча. / Көк өлеңнің паштарында / учуғуи чөр келип, / Көк торчуқтар көглем чөрчиган / Темнер полтур [ФШ, с. 74] ‘На верхушках белой березы с золотой листвой / Сорок птиц щебетали. / На верхушках зеленой травы, / Перелетая [с места на место], / Молодые соловьи щебетали, / В те времена было, оказывается’ [ФШ, с. 146].

В эпосе практически обязателен образ золотой кукушки *алтын көк*, который выполняет особую сюжетную роль: именно золотая кукушка сообщает новости, дает советы главным действующим лицам. Золотая кукушка на самом деле не птица, а превратившаяся в нее родственница или суженая богатыря:

Четтон тегриң үстүнде / Көглем турган Алтын Көөктүң үнү / Шақ педе тоқлада кел угулча. / «Ат чарыжы айланча!» – теп көгленча [ШГС, с. 95] ‘За пределами семидесяти небес / голос *поющей* Алтын Кёк / громко раздается: / «Конские скачки «заворачиваются» (подходят к концу)»’ [ШГС, с. 273].

Использование лексемы *көгле*= по отношению к человеку, следует, очевидно, считать поэтической метафорой:

Қарлығаш полуп, учугам, / Қунағаш полуп, киштерим, / Торчуғаш полуп көглерим / Сениң көңнуне кирерге ‘(Я) к тебе полечу ласточкой, / Жеребенком прижмусь к тебе, / Соловьем *запою* тебе, чтоб тебе лишь понравиться’ [ДШ, с. 290, 291];

Көөленген қыс көглем көөленча [ДШ, с. 340] ‘Любимая девушка *напевает*, – значит, любит’.

2. САРЫН. Шорская лексема *сарын* ‘песня’ имеет аналоги в диалектах алтайского языка, в хакасском, казахском, киргизском языках, в тувинском – *сырын* ‘заунывная песня’. Корень *сар* возводят к иран. *зар* ‘плач, рыдание, стенание’ [ЭСТЯ, 2003, с. 211]. В шорском языке словом *сарын* обозначают и минорные и мажорные песни [Павлючик, 1984, с. 146], жанр «плач» обозначают термином *сыыт*

(*сыгыт*) и *ыыр*. Однокоренные лексемы в шорском языке: *сарын* ‘песня’, *сарна*= ‘петь’, *сарынчы* ‘певец’ [ДШ, с. 341], *сарнаачы* ‘певец’ [Косточаков, 2003, с. 22].

По содержанию шорские песни (обобщенно *сарын*) Н. П. Дыренкова делит на *сыгыт* ‘плач’, *той сарын* ‘свадебные песни’, *ойун сарын* ‘игровые песни, любовные песни (хвалебные и насмешливые)’, бытовые песни, исторические (про предков, про столкновения родов), а также песни о реалиях нового времени (о Ленине, Сталине, строительстве социализма) [Дыренкова, 1940, с. XI]. С. К. Павлючик к этому перечню добавляет охотничьи песни (по содержанию, но не по функции, т. к. на охоте песни шорцы не исполняли) [Павлючик, 1984, с. 146]. И. К. Травина делит шорские песни на частушки, шуточные и плясовые, колыбельные, плачи и протяжные лирические песни [Травина, 1995, с. 9].

Л. Н. Арбачакова «внутри песенно-лирического фольклора» шорцев выделяет следующие группы песен: протяжные / долгие песни (*узақ / узун сарыннар*), короткие песни (*қысқа сарыннар*), печальные / грустные песни (*қунан / қунанчы сарыннар*), шорские песни (*тадер / тадар сарыннар* – для дифференциации от заимствованных), частушки (*тақпақтар / топақтар*), плясовые (*тандарлар*), обрядовые песни (свадебные, плачи, песни других обрядов), колыбельные (*палымбай / балымбай сарыннар, най-най / бай-бай*) [Арбачакова, 2010, с. 37].

Шорский песенно-лирический фольклор по жанровым признакам Г. Б. Сыченко делит на две группы: 1) песни, связанные с другими жанровыми сферами (сказочной, мифологической, обрядовой, например, медвежьи песни) и 2) собственно лирические песни [Сыченко, 2010, с. 62].

По «метро-ритмическим характеристикам» С. К. Павлючик выделяет: 1) *узун сарын* (вслед за Н. П. Дыренковой) – лирические протяжные песни и 2) песни без пропевания слогов, двудольным метром и четким ритмом. Во вторую группу входят песни бытового содержания и *тақпақ* – частушки (четырёхстрочные ритмические песенки шуточного содержания) [Павлючик, 1984, с. 147].

Особое отношение к музыкальной культуре шорского народа было у его духовного лидера – Андрея Ильича Чудоякова. Всю свою творческую жизнь он посвятил изучению шорского кая: записывал на магнитофон исполнителей, расшифровывал тексты. Андрей Ильич был музыкально одарен. Он сочинил несколько песен на родном языке, которые спел своим студентам и коллегам. Тексты его песен вошли в сборник на шорском языке [Ўлгер, с. 11–17]. В этом же сборнике опубликован его рассказ об одной из фольклорных экспедиций, во время которой он записывал у своих соотечественников именно народные песни, а не кай [Ўлгер, с. 45–66]. В этом сборнике опубликована также песня, автором которой является Л. Н. Арбачакова (Тудегешева) [Ўлгер, с. 15].

Лексемы *сарын* и *сарна*= частотные, они используются в текстах всех шорских литературных жанров.

Сарнап чөрөм! (название стихотворения) / *Қайдыг-да полза / Мен черимни / Сарнап чөрөм! / Сарнап чөрөм!* (...) / *Сарнап чөрбемде / Нооға по черде / Чатчам?!* [Бельчегешев, 2000, с. 108] ‘Я буду петь! / Что б ни случилось, я буду ходить и петь! (...) / Если не петь мне, / Зачем на этой земле жить?’;

Чүче одурган тушта тербен нызырагы угыла перди, ааңма тирге қыс палазы сарнап шықты. Мен ол сарынны угып, (...), узуган чилеп полбыстым. Пайагыла ол сарын үни меең эди чанымга тарапчатқан ушқаш, сөстери, тезе, чағыс меең не құлағымга урунуп, сыңырашчатқаннар ушқаш (Чиспияков) [Ўлгер, с. 89] ‘(Мы) тихо сидели, шум мельницы был слышен, (с ним вместе) девушка запела. Слушая эту песню, я как будто во сне находился. Звучание той песни меня как будто на части разрывало, а слова, проникая в уши, звенели’;

Қайдиг тыбық, қайдыг көрүмниг чер! Қайдиг чақшы сарын! (Чиспияков) [Ўлгер, с. 90] ‘Какое мирное, какое красивое место! Какая прекрасная песня!’;

Сарнақты сарнар эдим – үнчегежим чогул-но ‘Я бы песенку вам спела – голосочка нету-вот’ [ДШ, с. 298, 299].

Чаш кижилер таньшчалар, / Наа сарыннар сарнапчалар [ДШ, с. 246] ‘Молодежь знакомится [друг с другом], / новые песни поют’;

Көк өлеңда кушчақтар көгleshпеен-да қайтсыннар! / Сагыжы чарық қолхостар сарнашпаан-да қайтсыннар! [ШФ, с. 6] ‘В зеленой траве птички /– Разве могут они не петь! / Колхозы довольны и веселы / – Разве могут они не петь!’ [ШФ, с. 6].

О силе воздействия пения повествует миф о волшебной птице *қаан қыйғылық қуш* (< *қыйғы* ‘крик’):

«Кем ол қуштуң үнүн угар, ол кижии үр чажабанча». *Қаан қыйғылық қуш қараа учуққанда чүглері палтыңнанча. Качен сарнаганда, кем сарнаганын уққанда ылғанча* ‘«Кто голос той птицы услышит, тот [человек] долго не живет!» Когда птица кан-қыйғылық ночью летает – перья ее сверкают, когда она поет, кто пение ее слышит – плачет’ [ШФ, с. 282, 283].

Проникновение песен в Шорию связывают с мифическими быками:

Черлерин санап қунан-мүктеп сарнап парып-одурғаннар ‘[Быки] о своей земле думая-тоскуя, мыча [напевая], шли’ [ШФ, с. 286, 287];

Ол бугалар таг-ба келб-одуруп, черлерин санап, қунан, сарын мүктеп, сарнап келб-одурғаннар. По аңчы кижиге ол сарын коңнүне тың киртир. Ол аңчы по сарыны үр уқтур. Анаң қузуқтаң қомус иштеп, ат қузуруғунаң қыл зууб-алып, қомэзуна уруб-алтыр, анаң ол қомузу-ба қағып, ол сарыны сарнаберген. По ийги пуғааң сарыны алым-алып, ачықтаң эбине келип, қағып сарнап-одуртур. Анаң айтқаны – ааң соонда ол аңчы кижиге улуг қайчы пол партыр. Түнде қайлабысқанда (ныбақ) – тегриде турған чылтыстар черге чағынаптырлар. Тегриде турған ай черге қыналтыр, тайгада салғынаң салғын парчен түгенчең полтыр. Аң қуш палларың таштап, тагдаң шықчаң полтыр. Апиыйлар ылгачаң полтырлар.

‘Те быки по горам шли, вспоминая о своей земле, скучали, песню мыча, пели. [Этому] охотнику та песня в сердце [его] крепко запала. Тот охотник эту песню долго слушал. Потом сделал из кедра комыс, вырвал из хвоста коня волос (и) натянул на комыс [его]. Потом, на [том] комысе играя, ту песню стал петь. (Он) песню тех двух быков запомнил; придя (с промысла) домой, (он) на том комысе играл (и) пел. [Потом] говорят, что потом тот охотник стал великим сказочником. Когда он ночью играл на комысе и сказку рассказывал, стоящие на небе звезды к земле приближались, стоящий на небе месяц к земле прикивал. Бушующий в тайге ветер затихал. Звери (и) птицы, бросив детенышей, из тайги выходили. Старики плакали’ [ШФ, с. 288, 289].

Контексты с лексемами *сарын* и *сарна*= в шорских эпических сказаниях имеют две особенности. Во-первых, этих контекстов мало. Во-вторых, песни поют отрицательные персонажи: вражеские богатыри, возвращающиеся в свои пределы с награбленным скотом и угнанными в плен людьми, а также мифические Шебелдеи (подземные существа), победившие земных «светлых» богатырей.

Выборка из текстов 21 эпического сказания на шорском языке (около 440 страниц, причем 2 страницы строк засчитывались за одну полную страницу) показала, что лексемы *сарын* и *сарна*= используются в 3 сказаниях: «Қаан Арго печелиг Қан Мерген» [ШФ, с. 80–154] – 5 словоупотреблений, «Ақ Қаан» [ШФ, с. 158–234] – 1 словоупотребление, «Қааннаң чабыс Қан Перген» [ШГЭ-1, с. 86–122] – 4 словоупотребления. Для анализа дополнительно использовались тексты сказаний, изданных на русском языке [ШГЭ-2; ШСЛ].

В рассматриваемых контекстах лексемы *сарын* и *сарна*= используются как устойчивое сочетание. Вместе с сочетанием *кай кайла*= ‘кай исполнять’ они образуют эпическую формулу. Примеры:

Ийги палачақты ийги азағыба / Чалбайта пазып алтырзың / Қыйын шығынақтана одуруп алтырзың / Улуг қайын қайлапчадырзың, / Улуг сарынын сарнапчадырзың [ШГЭ-1, с. 98–99] ‘Двух детей обеими ногами, раскачав, вдавил, оказывается. / На бок облакачиваясь, усевшись, / Великий кай исполняет, / Великую песню напевая, [едет]’ [ШГЭ-1, с. 98–99]; (см. также [ШГЭ-1, с. 286–287]);

Улуг қайын қайлапча, улуг сарыннын сарнап парча ‘[Богатырь] Великий кай (сказку) наигрывает, великую песню напевая, едет’ [ШФ, с. 84, 85];

Улуг сарынын сарнап парча, улуг қайын қайлап парча ‘[Богатырь] Развалясь на коне, распевая песни, едет, наигрывая сказки, едет’ [ШФ, с. 86, 88, 87].

Пение вражеских потусторонних существ:

Қара Шебелдей улуг сарынын сарнап түйшча, улуг қайын қайлап парча. Қара Шебелдей сарнапча: (...) ‘Черная Шебельдей, великую песню напевая, спускается, великую сказку наигрывая, идет. Черная Шебельдей поет: (...)’ [ШФ, с. 130, 131];

Чабыс-Олак и Мёнгус-Олак под землей в медных Шебелдеев превратились и с песнями стали глубже в землю спускаться [ШГЭ-2, с. 239].

Другие указания на пение действующих лиц в текстах эпоса обозначены лексемой *пайлан*= ‘петь колыбельную’ [ШФ, с. 176] (1 словоупотребление) и лексемой *қайлан*= ‘петь, оплакивая’ [БТ, с.50] (1 словоупотребление).

Исследуя героические сказания шорцев, А. И. Чудояков отмечает, что в шорском эпосе отражены общественно-исторические процессы, включающие архаичные явления [Чудояков, 1995, с. 30–66]. В связи с этим, можно предположить, что сказания с положительной оценкой музыки (например, сказание «Ақ Салғын» [ШГС]) являются инновационными, а сказания, в которых нет упоминаний о музыке, а также сказания, в которых песни исполняют отрицательные персонажи, являются более ранними. Это положение может подтвердить музыковедческий анализ Г. Б. Сыченко, которая заключает, что жанр *сарын*, т.е. «собственно лирические песни», по всей вероятности, более поздний пласт шорской культуры [Сыченко, 2010, с. 50].

3. ТАҚПАҚ. В шорском языке лексема *тақпақ* имеет значение ‘частушка’, ‘шуточная песня’, ‘басня’ [ШРС, с. 51]. Форма *тақпақ*, возможно, обозначает ‘созданное нанизыванием (слов)’: *тақ* = < др.-т. *taq* = ‘прикреплять’, ‘нанизывать’ [ДТС, с. 536], = *пақ* – аффикс именного словообразования. Идея о соединении слов лежит в основе внутренней формы алтайской лексемы *қожон* ‘песня’ [ОРС, с. 84]: < *қош* – ‘присоединять’, ‘прибавлять’, ‘добавлять’ [ОРС, с. 89] < д.-т. *қош* – ‘соединять’, ‘присоединять’, ‘добавлять’; ‘слагать, сочинять (стих, песню)’ [ДТС, с. 460]. В хакасском языке *тахпах* – это лирическая состязательная песня, обычно 4- и 8-стишная, обращенная к какому-либо лицу, чаще к юноше или девушке [ХРС, с. 604]. В издании [ДШ, с. 270] приводится форма *тоқпақ*, что является, скорее всего, проявлением «сверхнормы», т.е. считается, что *а* в безударном слоге – это редуцированное *о*.

Шорские однострофные лирические песни *сарын* и форма *тақпақ* часто объединяются в одну жанровую группу, противопоставляясь многострофным протяжным песням. По форме *тақпақ* – это двестишья или четырехстишья типа частушек [Дыренкова, 1940, с. XI]. В последнее время проводится дифференциация произведений жанров *тақпақ* ‘частушка’ и *қысқа сарын* ‘короткая песня’. Так, в сборнике [Ўлгер, с. 44] тексты однострофных песен озаглавлены «*Тақпақ*», но по их содержанию мы отнесли бы их к жанру *сарын*, а в другом издании однострофные песни [ДШ, с. 270–292] и частушки [ДШ, с. 294–315] разделяются.

Основное различие между *тақпақ* ‘частушка’ и *қысқа сарын* ‘короткая песня’ заключается в напеве и содержании. Напев частушки *тақпақ* ритмичный, напев *қысқа сарын* более плавный, мелодичный. Содержание *қысқа сарын* меланхоличное, в содержании текстов *тақпақ*, заметны элементы юмора, иронии. Приведем для сравнения текст однострофной песни *сарын* и текст частушки *тақпақ*.

Қартыға қуштуң ноо артық? / Ийги қанадының чүгү(зи) артық. / Көөлген қыстың ноозу артық? / Ийги қарагының оду артық [ДШ, с. 282] ‘У ястреба что самое ценное? / Перо двух крыльев – самое ценное. / У возлюбленной что самое ценное? / Огонь двух глаз – самое ценное` (*сарын*).

Мен эркемай Таштаголда – / Мене ааңнар айтыпчер. / Председатель сельсовета - / Документым пербенчер ‘Мой милёнок в Таштаголе, / И туда меня зовет, / А председатель сельсовета / Документов не дает’ [ДШ, с. 294, 295] (*тақпақ*).

«Частушечный напев» вокальной формы *тақпақ* связывают с влиянием русской песенной культуры. «Близость ладовой основы позволило [русской] частушке легко проникнуть в шорскую культуру и занять там прочное место» [Сыченко, 2010, с. 65]. В исследовании шорских песен отмечается взаимопроникновение напевов однострофных песен и частушек: «Некоторые такпаки исполняются на напевы *сарын*» [Арбачакова, 2010, с. 37].

Примеры использования лексемы *тақпақ* мы находим в рассказах А. И. Чудоякова:

Топокова К. Г. узақ сарын, тақпақ сарнады [Ўлгер, с. 46] ‘Топокова К. Г. протяжные песни, частушки спела’;

Ол үш тақпақ перди [Ўлгер, с. 47] ‘Она (Арбачакова О. А.) три частушки спела’;

Ылардың ооллары Григорий Васильевич 1964 чылда туган (10 кл.) 4 тақпақ сарнап пердилер [Ўлгер, с. 47] ‘Их (Топоковых) сын Григорий Васильевич 1964 г.р. (10 кл.) 4 частушки спели (имеется в виду: вместе с родителями)’;

Анаң Кискоров Андрей Семенович 1961 (10 кл.) 9 тақпақ сарнап перди [Ўлгер, с. 47] ‘Потом Кискоров Андрей Семенович 1961 г.р. (10 кл.) 9 частушек спел’.

4. СӨГҮШ. В традиционной песенной культуре шорцев выделяются *sögüş* (*sögüş*) – короткие песни или ритмические высказывания из четырех или двух строк сатирического содержания. В таких произведениях высмеивались некоторые черты представителей соседнего селения, другого рода, другого пола [Дыренкова, 1940, с. XI]. Примеры:

‘На склоне горы снег не держится, у рода калар снег не водится’ [ШФ, с. XXII]; ‘Кыйцы в берестяном казане воду кипятили. Сливки с нее сняв, питались. Казан развалился, род Кый расселился’ [ШФ, с. XXIII].

Образцы текстов жанра *sögüş* об алтайских сеоках под названием «Присказки и легенды» в 1863-1899 гг. собрал Г. Н. Потанин, они опубликованы в труде [Потанин, 2005, с. 2–9].

Жанр *sögüş* в шорской песенной культуре сохранен. В сборнике [ДШ, с. 316–317] опубликованы четыре текста под заголовком «*Сөгүш тоқпақтар*» ‘Насмешливые песни-частушки’, приведем один из текстов:

Престек чиибес прастагылар / Четти аймақтың қыстарын / Пирге чыгып көрдүлер [ДШ, с. 316] ‘Мрасские люди простокваши не едят. / Из семи аймаков девушек / собрав, (на них) глядят’.

В шорском языке лексема *söğüsh* имеет значение ‘ругань’, ‘брань’, ‘оскорбление’ [ШРС, с. 49], она образована от глагола *sök* = ‘бранить’, ‘ругать’ при помощи аффикса именного словообразования =*sh*, который является омонимом аффикса взаимно-совместного залога =*sh*: *söğüsh* = ‘браниться’, ‘ругаться’. Шорские формы аналогичны древнетюркским: *sök* = ‘ругать’, ‘бранить’, ‘порицать’ [ДТС, с. 510], *söküsh* ‘брань’, ‘ругательство’, *söküsh* = взаим.-совм. залог *sök* = [ДТС, с. 511].

В нашей выборке из текстов отсутствует лексема *söğüsh* в качестве термина для обозначения песенного жанра. Глагольные лексемы *sök* = ‘бранить’, ‘ругать’ и *söğüsh* = ‘браниться’, ‘ругаться’ в текстах реализуют свое основное лексическое значение.

5. АЙТЫЖЫ. Лексема *айтыжы* – в шорском языке имеет значение ‘импровизированная задорная песня’ [ШРС, с. 15], это именной дериват глагола *айт* = ‘говорить’, ‘сказать’. В хакасском языке лексема *айтыс* обозначает ‘слёт певцов и народных сказителей’ [ХРС, с. 45]. В народной культуре казахов *айтыс* – песенное состязание в виде диалога. Такой вид творчества известен и у других тюркских народов: *ийлар*, *сюмелик жырла* у карачаевцев, *айтышыгы* у туркменов, *эйтешу* у татар, *söğüsh кожондор* у алтайцев [Турекулов, 1982, с. 113].

В песенной культуре шорцев подобный вид творчества описан Н. П. Дыренковой. Она отмечает, что отдельные песни исполнялись в виде дуэта. Двое исполнителей, обычно юноша и девушка, состязались в остроумии и образности речи. Один из них начинал песню, слова другого были ему ответом. В старину устраивались состязания известных певцов. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из состязующихся не умолкал, истощив свое красноречие (см., например, песню *aq qulun-ma kün-aryg*) [Дыренкова, 1940, с. XI]. Варианты упомянутой песни опубликованы [Фольклор шорцев, 2010, с. 401–404, 421], как и описание вариантов текста этой песни [Арбачакова, 2010, с. 39–40]. Термин *айтыжы*, зафиксированный в словаре [ШРС, с. 15], в специальных работах по шорскому искусству пока не использовался.

6. ТАНДАР. Лексема *тандар* в шорском языке обозначает ‘плясовая, задорная песня’ [ШРС, с. 52]. Эта лексема описана В. Я. Буганаевым: *тандар* (шор.) – ‘плясовая’; ‘притоптывание и пение частушек (стоя или сидя)’, *тандарчы* ‘плясун’ [ХРИЭС, с. 136]. Один образец текста жанра *тандар* приводится в работе [ФШ, с. 418]:

Тап, тап, табысқан / Пейтик өдин пажы: / Анаң аара неби чоқ, / На-на-на, ри, на-на-на, ри, на-на, нир ... [ФШ, с.418] ‘Искал, искал, искал / петушок колоски (букв. головки травы): / из этого ничего нет (на-на-на ... – напевные слова)’.

Музыкальное оформление шорского *тандар’а*, а именно его «ладозвуковая организация», объединяет частушки и плясовые песни в одну группу [Сыченко, 2010, с. 65].

В других работах, как и в литературных текстах, данный термин нам не встретился. Возможно, отмеченные в шорской народной культуре *ojun saryun* ‘игровые песни’ [Дыренкова, 1940, с. XI] обозначают разновидность плясовых песен.

7. СЫЫТ. Шорская лексема *сыыт* ~ *сыгыт* ‘плач’ имеет соответствие с древнетюркской лексемой *siyit* ‘рыдания’, ‘плач’ (ее дериваты: *siyta-* ‘плакать’, ‘рыдать’, *siytaš* совм. от *siyta-*, *siyitci* ‘плакальщик’) [ДТС, с. 503]. Аналоговые лексемы есть в современных тюркских языках и диалектах (алтайском, хакасском, башкирском, др.) [ЭСТЯ, 2003, с. 390].

Наличие жанра *syt* ~ *syut* («плачи, которые исполнялись обычно при оплакивании умершего») в песенном творчестве шорцев отметила Н. П. Дыренкова [1940, с. XI]. В шорской культуре плач *сыыт* ~ *сыгыт* реализуется также в качестве поминальных песен [Сыченко, 2010, с. 55–56]. Четыре текста, образцов этого жанра, опубликованы [Фольклор шорцев, 2010, с. 388–392]. Жанр плача, как и шаманское камлание, «медвежьи» и колыбельные песни по их «ладозвукорядному строению» Г. Б. Сыченко относит к наиболее архаичным напевам шорцев [Сыченко, 2010, с. 67].

Употребление лексемы *сыыт* ~ *сыгыт* ‘плач’ отмечается в шорских текстах всех жанров. Так, в рассказах А. И. Чудоякова – 7 словоупотреблений этой лексемы [Улгер, с. 132, 161, 168, 171]. Например:

Сыыт қыйал. Парчазы ылгаи сыықтаишчалар. Мен сыдабаан, ол сыытты қайде угарға, қапчығай передовойға качырыбысқам, пашка раненыйларды акелерге [Улгер, с. 168] ‘Плач – (просто)

ужас. Все (громко) рыдали. Я не мог выдержать, слушая эти *рыдания* (плач), быстро поехал (на лошади) на передовую за (другими) ранеными’.

В шорской лирике эта лексема используется Г. Косточаковым (7 словоупотреблений) [Косточаков, 1994, с. 59, 59, 64, 85; Косточаков, 2003, с. 12, 12, 22]. Пример: *Нөөрө маттан чарык сарын / Пуун писке сыят пол-парды?!* [Косточаков, 2003, с. 22] ‘Почему светлая песня сегодня *плачем* обернулась?!’ (о гибели шорского певца).

Рассматриваемая лексема есть в названии стихотворения Л. Арбачаковой: «*Сыгыт сөс*» [Арбачакова, 2001, с. 18].

В текстах шорского фольклора частотна глагольная лексема *сықта*= ‘плакать’, ‘рыдать’. В следующем примере она вводит прямую речь – плач по своему содержанию:

анаң ол тагдың иштинде қыстары сықта=ш=қан=нар: «Қанче-қанче аңчылар эр эдинип тоспаанзың ма! Ол адыгыча ноо парганзың, ам аттыр салдың. (...)» [потом внутри] в той горе девицы *рыдали*: «Сколько-сколько охотников мужьями сделав, разве ты не насытилась? К этому охотнику зачем пошла, теперь ты застрелена! (...)» [ШФ, с. 258–261] (легенда о хозяйке горы).

Лексема *сықта*= часто сопровождается лексемой *ылга*= ‘плакать’, которые образуют устойчивое сочетание *ылгап сықта*=:

Анаң ол ачыйы келип, ылга=б=ыза-берген. Маттан ылгап сықта=ған полтур ‘Потом, опечалившись, плакать стал. Сильно плача, рыдал, оказывается’ [ШФ, с. 282–283] (легенда «Почему у глухаря глаза красные»).

В текстах *сықта*= и *ылга*= могут использоваться в качестве синонимов:

Көк қайа пажында отуруп сықта=n чөрген. Тоғус қуққай ат пажы қырыына отурчер, сықта=n=чар. (...) Анаң тоғаш, эрбектешкен «по тоғус таш үстүне, по тоғус таш қырыына отуруп, ноога ылга=n=ча=ң?» ‘Сидя на вершине Синеи скалы, (она) *плакала*. Около голов погибших лошадей сидит (она) и *плачет*. ... Потом, встретясь, они между собой разговаривали: «На этих девяти камнях, около этих девяти голов сидя, почему ты *плачешь?*»’ [ШФ, с. 306–307].

В текстах эпических сказаний глагольная лексема *сықта*= частотна.

Үш күнге ачыганды, үш күнге сықтады ‘Три дня печалился герой, три дня оплакивал отца’ [БТ, с. 72–73];

Карақ чашпа, өбскреп сықтап нас чөргени (Кан Кыйганак) [БТ, с. 90–91] ‘Со слезами на глазах, всхлипывая, рыдая ходил’.

При вокальном исполнении эпического сказания эпизоды гибели положительных персонажей сопровождаются напевом, характерным для отдельного песенного жанра – *сыят* (оплакивание) [Назаренко, 1998, с. 39, с. 43]. Эту особенность исполнительского мастерства кайчи отметил А. И. Чудояков: «Горечь поражения богатыря в битве с врагами он (П. И. Кыдыяков) воспроизводил мелодией *сыят* – «плача», и нередко в его голосе были слышны интонации *рыдания*» [Чудояков, 1998, с. 448].

Алтын Сырықпа Алтын Шаппа / Алтын Чылтыстың өлген сөгүн / Арта чат кел, сықтаиш, / Улуг сыынга пастыр ша(ы)гыбыза пердилер ‘Алтын Сырык и Алтын Шаппа, / Тело Алтын Чылтыса [с двух сторон] / Обнимая, горько рыдая, / Стали на великий хребет подниматься’ [ШГС, с. 382–383];

Ээде қыйғыр келип сықтап турғанда ‘Когда она так кричала, рыдая (...)’ [ШГС, с. 332–333];

Үш күнге ачыганды, үш күнге сықтады ‘Три дня печалился герой, три дня *оплакивал* отца’ [БТ, с. 72–73];

Сықтапчытқан Ай-Ой-Арыг / Анаң келип уққаны ‘Долго ли коротко ли *рыдала*, / Но услышала через *рыданье* (...)’ [ДШ, с. 44–45];

Четти қыллыг тал қомустуң үнүн уғуп, / Алтынғызы қара айна / Қара чердиң алтында чат, Аңнан сықтаиш чат қалдылар. / Ақ чарықтың иштинде алыптар / Ақ чазыға аңнан сықтаиш чат-қалдылар [ШГС, с. 186] ‘Звуки ивового комуса долетали / И до мира без солнца и луны, / Где их слышали злые духи-айна / И, *рыдая*, перекатывались по земле. / И светлого мира богатыри, / Услышав музыку комуса, / *Рыдая*, по белой степи перекатывались’ [ДШ, с. 193];

Ааны уққанда, Қара-Қаан / Шаақтап кел сықтабысты [ДШ, с. 188] ‘Кара-Каан, услышав эти слова, / Слез не мог удерживать, стал *рыдать*’ [ДШ, с. 195].

(...) эбине киреле өлүп парды. / Абақайы өлгөндө сықтап чадыр [Радлов, с. 314] ‘(Кан Алып) в дом войдя, умер. Супруга (Кан-Пергена) из-за его смерти *рыдала* (*причитала*)’.

8. ЫЫР. Лексема *ур* ‘песня’ отмечена как единица лексикона хакасского, шорского, тувинского, тофаларского, башкирского, киргизского языков. В других тюркских языках употребляются варианты

(*jur ~ žur*) [СИГТЯ 1997, с. 610; ЭСТЯ 2003, с. 390], в древнетюркских языках *jür* ‘песня’, *jür-la-* ‘петь’ [ДТС, с. 268]. В результате выборки нами обнаружен пока один контекст с этой лексемой, а именно в шорском героическом сказании:

Алтын чаллыг ақ қыр ат / Қоста шени қолап парча, / Ырын шени сыықтап парып одурғаны ‘Золотогривый бело-серый конь, / Словно бронзовая стрела, летит, / Словно **песня-плач** несется’ [ШГС, с. 352–353].

В своем рассказе А. И. Чудояков употребляет лексему **ыы** в значении ‘плач’:

Пистиң эмнең өре турчыған эмнің алынаң тижи кижси сыыды уғул парды. По ноо пазоқ ыы пола перди, теп, анаң шыққаным – эжик алында Райа сықтапча [Ўлгер, с. 161] ‘Во дворе дома, стоящего выше нашего, послышалось рыдание женщины. “Что за **плач**”, – говоря, вышел: перед дверью Рая рыдает’.

Лексема **ыы** ‘плач’, ‘рыдание’ отмечена в словаре [ШРС, с. 72], возможно, **ыы** и **ыыр** этимологически связаны.

9. ҚАЙ. Лексема *қай* в шорском языке определяется как ‘горловое пение сказителя’ [ШРС, с. 21]. Аналогичные лексемы есть в телеутском, алтайском, хакасском (*хай*) языках [ТРС, с. 33; ОРС, с. 67; ХРС, с. 781]. Дериваты: шор., тел. *қайчы* ‘сказитель’ [ШРС, с. 21; ТРС, с. 34], алт. *қайчы* ‘сказитель, поющий богатырские поэмы под аккомпанемент топшуура’ [ОРС, с. 68], хак. *хайчы* ‘исполнитель тахпахов, героических сказаний горловым пением под аккомпанемент чатхана’ [ХРС, с. 786]. Глагольный дериват – *қайла* = (*хайла*) ‘исполнять *қай*’.

Корневая морфема *қай*, очевидно, связана с др.-т. *qaj-* ‘обращать внимание’, ‘отзываться’, ‘сочувствовать’ [ДТС, с. 406], *qajyu* ‘печаль’, ‘горе’, ‘скорбь’ [ДТС, с. 407].

В шорском музыкально-поэтическом фольклоре *қай* (эпос, исполняемый в особой манере) относится к нарративной традиции [Сыченко, 2010, с. 41]. В исполнении шорского *қая* части сказания, пропетые горловым пением, пересказываются в форме ритмически организованного текста. В музыкальной части *қая* слова полностью не проговариваются: ее вербальная основа напоминает план, проспект последующего словесного изложения [Сыченко, 2010, с. 42]. Исполнение *қая* для сказителя и звучание *қая* для слушателя создают особую атмосферу погружения в ход повествования и способствуют визуализации происходящих событий. *Қай* является формой сохранения культурно-исторической идентичности шорцев.

Инструментальная партия в музыкальной структуре эпоса играет важную роль. В качестве инструмента сопровождения используется двухструнная лютня комус. Комус шорцев был неоднократно описан в этнографической и музыковедческой литературе [Сыченко, 2010, с. 47; Назаренко, 1998, с. 34–45; Назаренко, 1989, с. 23–35; Дыренкова, 1940, с. X–XI].

Музыкальная организация *қая* существенно отличается от песенной. Музыкальная структура шорского эпоса на основе анализа сказания «Кан Перген» (с его нотировкой) описана в работе [Назаренко, 1998, с. 34–45]. (Запись сказания и расшифровка текста А. И. Чудоякова). В музыкально-композиционной структуре сказания «Ак Кан» Г. Б. Сыченко выделяет 11 типов напевов и создает интонационно-ритмическую карту сказания [Сыченко, 2010, с. 43–45], она провела также нотирование исполненного сказания [Фольклор шорцев, 2010, с. 71–144]. (Запись сказания и расшифровка текста Л. Н. Арбачаковой).

Значительный вклад в изучение шорского эпоса внес А. И. Чудояков. В течение нескольких десятилетий он записывал на магнитофон исполнителей *қая*, расшифровывал тексты записей. Его диссертация и монография посвящены шорскому героическому эпосу, анализу содержательной стороны исполняемых горловым пением произведений [Чудояков, 1973; Чудояков, 1995; Чудояков, 1998].

А. И. Чудояков описал две разные традиции исполнения шорского *қая*. Он отмечал, что *қай* исполняется сказителями мрасской традиции громко с сильным сжатием гортани (**тамакта ~ тавакта** ‘горлом’). В кондомской традиции исполнение негромкое, с активизацией легких (**көгүсне** ‘грудью’) [Чудояков, 1998, с. 16].

В эпическом сказании, исполненным Б. И. Токмашовым на шорском языке по кондомской традиции, в им же напечатанном и переведенном на русский язык тексте сказания, используется лексема **көгүс** в значении ‘напев’: *Қайран меең чаптаң ала урун түйкен / Қай көгүзим шақ по күнде, пурунгуце, / Эште қавыл эстелзин!* ‘С юных лет в меня вошедшие **напевы** / Пусть сегодня, как и прежде, легко, свободно прозвучат!’ [БТ, с. 8–9]. Лексема **көгүс** на русский язык переводится как ‘грудь’, использование ее в значении ‘напев’, возможно, является метонимией.

В нашей выборке контекстов лексема *кай* и ее дериваты используются в шорских поэтических текстах, в текстах народных песен, а также в рассказах о *кае* во время охотничьего сезона в записи Н. П. Дыренковой.

Сеең кай қомус қайлады: Қалық өлбес, – теп. ‘Твой кай-комус играет: “Народ не погибнет”, – (говорит)’ [Косточаков, 1994, с. 27];

Туган тилим, талган тилим, / Аңчы тилим, қайчы тилим, / Кай преде – сарын, қай преде – кыйғы, / (...) [Косточаков, 2003, с. 10] ‘Родной мой язык, разорванный язык, мой язык – язык охотников и кайчи, мой язык – то песня, то крик’;

Шор черлердиң улуг қайчызы, / Сеең ужун сөс айткел, киченчам: / Улуг қайыңны қайлап / Улуг сарыңны сарнап, / (...) *Алып төлдүң ырызы ыс пер!* [Арбачакова, 2001, с. 22] ‘Шорской земли великий кайчи, к тебе обращаюсь: (...) великий кай исполни, великую песню спой, богатырского рода удачу (счастье) пошли!’

Исполнение *кай* ночью во время охотничьего сезона, по поверьям шорцев (как отмечает Н. П. Дыренкова), приносило им добычу на следующий день:

Пир кижии аңнап чөрчат, ширде одаңа келе-берип, қайлап одурчыган, агаши аразынаң пир қыс палазы шық-кел, ааң от қажына одур-салган. Ол қыс палазы маттап тыңнап кел, ныбақ уғуп-одурчытқанда (...) ‘Один человек охотился; вечером (он) пришел к балагану, уселся и стал *играть на комысе*. Из чащи деревьев вышла одна девица и уселась у его огня. Та девица слушала внимательно *пение и сказку*’ [ШФ, с. 262, 263].

Анаң көже алб-алып, қагып қайлап одурган. Қагып одурчадып, эжик таштын-заары көрзе, одуң пажында пир қыс одурчаттыр. «Мен, сеең қайыңға көөленип, уғарга келдим!» ‘[После] взяв ожег, играл (на нем), *напевая*. Когда сидя (и) *напевая* сказку, поглядел из двери, на (его) дровах [одна] девица сидела. «Мне твоя *игра* понравилась, пришла послушать!» – (говорит)’ [ШФ, с. 262, 263].

(...) *қузуқтаң қай қобыс эдиң алып, нарпақ қайлап сал одурган (...)* *Эде қайлап-одырза (...)* ‘Сделав из кедра *комыс*, *играл-напевал* и рассказывал сказки (...) Когда он так *играл*, (...)’ [ШФ, с. 264, 265].

(...) *қунан кел қайлап одура перген ‘с тоски играть на комысе стал’* [ШФ, с. 268, 267].

Корневая основа *кай* образует изафетное сочетание *кай-қомус* ‘струнный комус’ (*тебир-қомус* ‘железо-комус’ обозначает ‘варган’):

Қай қомызы қағылзын, / Шор сарыны уғұлзын, / Пайрамға чыылған чақшылар / Ырғұн-келип ойназын! ‘Пусть звучит *кай-комус*, / Пусть песни шорские стелются, / Пусть лучшие люди народа / Будут в радости и веселье’ [ДШ, с. 248, 249].

По традиции шорские кайчи начинали *кай* с обращения к *кай ээзи* ‘духу-хозяину сказания’ (см. также [Арбачакова, 2018, с. 66–70]):

Паитар қайдың алғыш сөзи / Қайран меең чаштаң ала қолға тутқан / Қай қомузым шақ по күнде, пурунгу-че, / Эште шавыл шертилзин! ‘Вступительного напева благопожелание, / Дорогой мой, с ранних лет знакомый комус! / Пусть сегодня, как и прежде, / твои струны в лад звенят! / И с юных лет в меня вошедшие напевы / Пусть сегодня, как и прежде, легко, свободно прозвучат!’ [БТ, с. 8–9].

10. КАМНАНЫШ. Шаманское камлание – это исконная музыкально-обрядовая традиция шорцев. Приверженность к ней сохраняется до сих пор [Сыченко, 2010, с. 50; Назаренко, Арбачакова, 1995]. В корпусе шорских шаманских ритуальных текстов 15 произведений от семи исполнителей [Сыченко, 2010, с.50]. Как отмечают составители сборника, эти произведения считаются аутентичными, о чем свидетельствуют элементы традиционной шаманской поэтики, шаманский характер интонирования, их архаическая музыкальная структура. При записи камлания исполнители находились в измененном состоянии сознания, обязательно при проведении обряда [Сыченко, 2010, с. 50]. Текст и нотировка шаманского текста «Қут қабарға» («Ловля души») опубликованы [Фольклор шорцев, 2010, с. 368–382]. Шаманское камлание Г. Б. Сыченко относит к одному из наиболее архаичных напевов шорцев [Сыченко, 2010, с. 67].

Шорский термин для обозначения жанра «камлание» отсутствует [Сыченко, 2010, с. 50]. Используя словообразовательные модели шорского языка, процесс камлания можно назвать *камнапчатқаны*: *қам* ‘шаман’ > *қам=на=* ‘камлать’ > *қам=на=п=чатқан=ы* ‘камлание’. Термин «камнаныш» (камлание как жанр) является авторским неологизмом Л. Н. Арбачаковой [Фольклор шорцев, 2010, с. 368].

Лексема *кат* ‘шаман’ тунгусского происхождения, относится к числу ранних заимствований [СИГТЯ 2006, с. 621]. В древнетюркских текстах лексема *qat* реализует значения: ‘врачеватель’, ‘це-

литель', прорицатель', 'предсказатель'; 'заклинатель', 'кудесник', 'чародей', 'маг', 'волшебник', 'колдун' [ДТС, с. 413]. Глагольный дериват *qamla-* обозначает 'камлать', 'совершать шаманские обряды' [ДТС, с. 415]. Лексема *kat ~ hat* 'шаман' есть в алтайском, хакасском, шорском, тувинском, турецком и других тюркских языках и диалектах [СИГТЯ, 2006, с. 621].

В шорской обрядовой и музыкальной культуре *кай* и *камлание* относятся к разным сферам. Общим у этих жанров является использование особого приема артикуляции – сжатие гортани, испускание низких гортанно-грудных звуков. Однако музыкальное оформление и вербальное содержание произведений этих двух жанров не совпадают.

В текстах *кай* отсутствует упоминание о шаманах, не употребляются лексемы *qam*, *qamna*= . Эту особенность содержания шорских эпических сказаний также отмечает Д. А. Функ: «Шаманы (кам) в шорском эпосе, насколько позволяет судить знакомство со всеми опубликованными и архивными текстами, не упоминаются» [ШГЭ-2, с. 260]. Однако некоторые шорские кайчи практиковали шаманство. Так, кайчи Шмаркин (Кичиг-оол, годы жизни 1868–1955) считался шаманом [ШГЭ-2, с. 267].

Контексты лексем *qam*, *qamna*= получены из рассказа «Кам түүрү» («Бубен шамана») [Бельчегешев, 2000, с. 284–289], рассказов шорцев о шаманах [ШФ], из поэтических текстов. Примеры:

Кам қамнадып, ааң соонда ызыга сүберек пагланчалыр 'Заставляют шамана камлать. После этого камлания на ызыка навязывают лоскутки' [ШФ, с. 290, 291];

“Мен қамнап сергенче, турған суг пожап ағып парар” «Пока не кончу камлать – и вода и ледоход, которые остановились, опять двинутся!» [ШФ, с. 270, 271];

Кам маттап қамнап келип 'шаман камлает неистово' [Арбачакова, 2001, с. 34];

Чабал қамнар айтқаны шын полза [Арбачакова 2001, с. 32] 'Если недоброе предсказание шамана истинно (...)';

Эбриин перча, / қамнап чөрча пораан 'Кружит, шаманит буран' [Тудегешева, с. 140];

Өкүс ай азылча тегриде, / чагыс түүр ош, / Камнапчаң ла кижси / по черде паза чоқ 'Сирота месяц на небе, как одинокий бубен, но камлать с ним больше некому' [Тудегешева, с. 148].

Заключение. Концепт «Пение» отражает многообразное явление в шорской культуре. Виды пения получили «оязыковление»: *сарын* 'песня', *тақпақ* 'частушка', *сыят (сыгыт)* 'плач', *қай* 'исполнение эпического сказания', *сбғұш* 'песня-оскорбление, дразнилка', *тандар* 'плясовая', *қамнаныш* 'камлание'. Значение 'мелодия', 'напев' обозначается лексемой *көг*. Экстенционал лексических значений данных лексем отражает культурно-исторический опыт шорского этноса. Фонд контекстов с перечисленными лексемами и их дериватами позволяет раскрыть их прагматику. Шорские лексемы, обозначающие феномен «пение», являются наследием древних тюркских языков, они также имеют (в большинстве случаев) лексемы-аналоги в тюркских языках Саяно-Алтайского региона.

Список источников

- Амзоров М. П. Аңчылардың пир чоруктары. В кн.: Ылгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 24–36.
- Амзоров М. П. Часқыдағы сағыш. В кн.: Шенцова И. В. Қыырчан ном. Книга для чтения на шорском языке в 3 классе. Новокузнецк: Кузбасская госпедакадемия, 2003. С. 43.
- Арбачакова Л. Н. Оңзас черим. Тернии души. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. 153 с.
- Бельчегешев Н. Е. Наа-эски чурт. Небесная Мрассу. Сборник стихов. Новокузнецк, 2000. 314 с.
- Борискин В. П. Мең черимни сөстери. Моего края рассказы. Междуреченск: ООО «Потенциал-Медиа», 2007. 163 с.
- Каташева А. С. Кер сөстер. В кн.: Ылгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 37, 104.
- Косточаков Г. В. Ала тағларым. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. 90 с.
- Косточаков Г. В. Я последний шорский поэт. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 199 с.
- Кусургашев А. В. Кер сөстер. В кн.: Ылгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 42–44, 117–119.
- Тудегешева Т. В. Поющие стрелы времен. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2000. 167 с.
- Чистияков Ф. С. Қалба тужы. В кн.: Э. Ф. Чистияков. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1992. С. 280–281.
- Чистияков Ф. С. Шолбан. В кн.: Ылгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 78–103.
- Чудояков А. И. Сарыннар. В кн.: Ылгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 11–17.

Чудояков А. И. Чооҕаштар. С. 39–76; Чооктар. С. 109–171; Шаг тужында. С. 106–116; Пирге өстибис. С. 120–132; Прас кажында. С. 140–155; Түн. С. 161–171. В кн.: Ылгер. Кыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995.

Список сокращений

БТ – *Токмашов Б. И. Қаан Оолақ. Богатырское сказание кондомских шорцев. Новокузнецк: Кузбасская гос. пед. академия, 2009. 149 с.*

БСЭ – *Большая советская энциклопедия. 2 изд. Т. 32. М.: Гос. науч. изд. «Большая советская энциклопедия», 1955. 648 с.*

ДТС – *Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука ЛО, 1969. 677 с.*

ДШ – *Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. 352 с.*

ОРС – *Ойротско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и Т. М. Тошчакова. Под общей ред. Н. А. Баскакова. Москва: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. 313 с.*

Радлов – *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. (Собраны В. В. Радловым). Часть 1. Изд. 2, испр. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек», 2006. 496 с.*

СИГТЯ, 1997 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.*

СИГТЯ, 2006 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.*

ТРС – *Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь. Науч. рук. Н. Н. Широкова. Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. 120 с.*

ФШ – *Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).*

ХРИЭС – *Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ, 1999. 240 с.*

ХРС – *Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.*

ШГС – *Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А. И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).*

ШГЭ-1 – *Шорский героический эпос. Том 1 / Сост., подгот. к изд., вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д. А. Функа. М.: ИЭА РАН, 2010. 392 с.*

ШГЭ-2 – *Шорский героический эпос. Том 2. Шорский фольклор в обработке О. И. Благовещенской / Подгот. к изд., вступ. ст. и коммент. Д. А. Функа. Кемерово: ООО «Примула», 2011. 272 с. (на рус. яз.).*

ШГЭ-3 – *Шорский героический эпос. Том 3. / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. Д. А. Функа. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 280 с.*

ШРС – *Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шор-қазақ пазоқ қазақ-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. 151 с.*

ШСЛ – *Шорские сказки, легенды. Сост. А. И. Чудояков. Кемерово: ООО РИФ «Весть», 2002. 205 с.*

ШФ – *Шорский фольклор. Записи, пер., вступ. статья и прим. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: АН СССР, 1940. 450 с.*

ЭСТЯ, 2003 – *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003. 446 с. (Авторы словарных статей: Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов).*

Ылгер – *Ылгер. Кыырчаң ном. Книга для чтения на шорском языке. Сост. Г. В. Косточаков. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. 174 с.*

Список литературы

- Арбачакова Л. Н. Фольклорные традиции шорцев // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925-1930, 1959-1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. С. 11–40. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).
- Арбачакова Л. Н. Шорские легенды о хозяевах горлового пения (кай ээзи) // Язык и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск: ИФ СО РАН, 2018. № 1. С. 66–70.
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: «Восточная литература» РАН, 2007. 223 с.
- Дыренкова Н. П. Предисловие. Вступительная статья. Шорский фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. III–XXXIX.
- Назаренко Р. Б. О средствах музыкальной выразительности в шорском героическом эпосе «Кан Перген» // Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А. И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. С. 34–45. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).
- Назаренко Р. Б., Арбачакова Л. Н. О шорской жанровой традиции сарын // Народная культура Сибири и Дальнего Востока: Материалы VI науч.-практ. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Новосибирск, 1997. С. 101–103.
- Назаренко Р. Б., Арбачакова Л. Н. Шаманская традиция шорцев: Музыка и поэтика // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1995. С. 30–32.
- Павлючик С. К. О народных песнях шорцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука СО, 1984. С.135–148.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: «Ак Чечек», 2005. 1026 с.
- Сыченко Г. Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. С. 41–68. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).
- Травина И. К. Шорские народные сказания, песни и наигрышы. М.: Композитор, 1995. 135 с.
- Турекулов, Нысанбек. Современный казахский фольклор. Жанрово-структурный анализ. Алма-Ата: Мектеп, 1982. 192 с.
- Чудояков А. И. Шорский героический эпос. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1971. 19 с.
- Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. 223 с.
- Чудояков А. И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А. И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. С. 11–32. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

I. V. Shentsova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation;
ivshen@yandex.ru*

The Notion of “Singing” as a Nucleus of the “Music” Field in Shor. Lexemes and their Contexts

Shor texts are an essential resource of the preservation and further development of the language of Shor, one of the indigenous peoples of Southern Siberia. Nowadays, the Shor are developing their literature. Contemporary Shor authors are using their native language creating works in various genres. The examples of the Shor written language of a wide time frame have become accessible.

In the process of revitalization of the Shor language the fixation of its vocabulary is of prior importance as vocabulary accumulates ethnic notional sphere in the lexical meaning of words. Shor lexemes can be singled out from Turkic-Russian dictionaries by V. I. Verbitsky (1884), W. Radlov (1893–1911). A dictionary for students of Shor is written by N. N. Kurpeshko-Tannagasheva and F. Y. Apon`kin (1993). Nevertheless, a significant amount of material from Shor texts has not yet been reflected in lexicographic studies.

The “field” organization of the vocabulary and expanded presentation of the lexemes in their actual contexts meet the needs of practical usage of Shor – in its oral and written forms and as a material for further linguistic research. This article deals with the lexemes denoting “Singing”, the notion forming one of semantic centers in the field “Music”. The main aim of the article is to show the usage of the lexemes in various contexts. These contexts are taken from original Shor texts of different genres: folk and authors` texts (lyrics and prose).

Keywords: lexicology, lexicography, lexical field, concept, context, Siberian Turkic languages, Shor.

References

- Arbachakova L. N. Fol'klornyye traditsii shortsev [The Shor folk traditions]. In: *Fol'klor shortsev* [Folklore of Shorts]. Ed. L.N. Arbachakova. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, vol. 29, pp.11–40. (in Russ.)
- Arbachakova L. N. Shorskiye legendy o khozyayevakh gorlovogo peniya (*kay eezi*). *Yazyk i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [The languages and folklore of indigenous peoples of Siberia]. 2018, no 1 (iss. 35), pp. 66–70. (in Russ.)
- Chudoyakov A. I. *Etyudy shorskogo eposa* [Essays on Shor epos]. Kemerovo, Book Publ., 1995, 221 p. (in Russ.)
- Chudoyakov A. I. *Shorskiy geroicheskiy epос* [The Shor epic narrations]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Cand. Phil. Sci. Syn. Diss.]. Moskva, 1971. 19 p. (in Russ.)
- Chudoyakov A. I. Traditsii shorskogo eposa i skazaniya Pavla Kydyayakova [The Shor epic traditions and Pavel Kydyayakov's narrations]. In: *Shorskiye geroicheskiye skazaniya* [Shor epic narrations]. Introduction, translation, commentaries A.I. Chudoyakov; musical arrangement R.B.Nazarenko. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, vol. 17, pp. 11–32. (in Russ.)
- Dybo A. V. *Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [The linguistic contacts of early turks. Lexic fund. Pre-turkic period]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2007, 223 p. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P. Predisloviye. Vstupitel'naya stat'ya [Preface. Introduction]. In: *Shorskiy fol'klor* [Shor folklore]. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1940, pp. III–XXXIX. (in Russ.)
- Nazarenko R. B. O sredstvakh muzykal'noy vyrazitel'nosti v shorskom geroicheskom epose «Kan Pergen» [The means of musical expression in Shor epic narration “Qaan Pergen”]. In: *Shorskiye geroicheskiye skazaniya* [Shor epic narrations]. Introduction, translation, commentaries A.I. Chudoyakov; musical arrangement R.B. Nazarenko. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, vol. 17, pp. 34–45. (in Russ.)
- Nazarenko R. B., Arbachakova L. N. O shorskoy zhanrovoy traditsii saryn [“Saryn” as a genre in Shor tradition]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folk culture in Siberia and the Far East]. Materials of the VI. workshop of the Siberian Universities` Folklore Centre. Novosibirsk, 1997, pp. 101–103. (in Russ.)
- Nazarenko R. B., Arbachakova L. N. Shamanskaya traditsiya shortsev: Muzyka i poetika [Shor shaman tradition: Music and poetry]. In: *Altay i Tsentral'naya Aziya: kul'turno-istoricheskaya preymstvennost'* [Altai and Central Asia: cultural and historic continuity]. Gorno-Altaysk, 1995, pp.30–32. (in Russ.)
- Pavlyuchik S. K. O narodnykh pesnyakh shortsev [Shor folk songs]. In: *Etnografiya narodov Sibiri* [Siberian peoples ethnography]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984, pp.135–148. (in Russ.)
- Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on the North-Western Mongolia]. 2d ed. Gorno-Altaysk: «Ak Chechek», 2005, 1026 p. (in Russ.)
- Sychenko G. B. Muzykal'no-poeticheskiye traditsii shorskogo fol'klora [Musical and poetical traditions in Shor folklore]. In: *Fol'klor shortsev* [Folklore of Shorts]. Ed. L.N. Arbachakova. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, vol. 29, pp.41–68. (in Russ.)
- Travina I. K. *Shorskiye narodnyye skazaniya, pesni i naigryshy* [Shor folk narrations, songs and melodies]. Moscow: Kompozitor, 1995, 135 p. (in Russ.)
- Turekulov, Nysanbek. *Sovremennyy kazakhskiy fol'klor. Zhanrovo-strukturnyy analiz* [Modern Kazakh folklore. Analysis of genre and structure]. Alma-Ata: Mektep, 1982, 192 p. (in Russ.)